

Валентина Эйкорт

**Чистая
земля**

Валентина Эйкорн

Чистая земля

«Автор»

2026

Эйкорн В.

Чистая земля / В. Эйкорн — «Автор», 2026

События этого рассказа разворачиваются, то стремительно, то плавно, то драматически, то удачно, в душе его главного героя, который под давлением обстоятельств вынужден направить свой взгляд на самого себя, в самую глубину своей души, открыть все её скрытые, самые потаённые места. Чем и как обернётся для него этакий трудоёмкий и нелёгкий опыт?

© Эйкорн В., 2026

© Автор, 2026

Валентина Эйкорт

Чистая земля

За одной мыслью следует другая, всегда. Так проходит время. Процесс не непрерывный, бывают остановки, паузы, даже провалы, но следующая мысль рано или поздно обязательно приходит, чтоб потом уйти. Бывает, какая-нибудь из них, обычно самая неуклюжая, застревает в голове. Бывает так, что мысли приходят в голову и подолгу там торчат, бродят, совокупляются, рожают выводы, но не уходят, а новые всё продолжают приходить, голова начинает пухнуть и трещать по швам.

Голова Фёдора пухла от мрачных мыслей уже который час. Он размышлял о возможных последствиях своего необдуманного поступка, наиболее пристально рассматривая три варианта событий. В реальности их могло быть намного больше, но вероятность — это квадрат модуля её амплитуд, и размышлять о маловероятных результатах Фёдор смысла не видел. В чудеса Фёдор верил, но очень осторожно, так, чтобы не дай бог не начать на них рассчитывать, став идиотом. Зато он прекрасно, хоть и с грустью, понимал, что все три наиболее вероятных варианта печальны. Она его выгонит? Его уволят с работы? Он сопьётся? По большому счёту, если не вдаваться в детали, все три сценария сливались в одну большую лужу, в которую он, как ни крути, сел. Чего уж теперь крутить, поздно выкручиваться, он уже в ней сидит, сидит по самое небалуй, с совершенно мокрой репутацией. Дурак! Зачем он снял с себя ответственность? Она ему мешала? И ведь прилюдно, перед всеми. Как же стыдно. Большая, тяжёлая, она ему надоела до чёртиков, всё время съезжала набекрень, болталась, её никак было ни пришить, ни пристегнуть. Всё так. Но это же не повод оголяться, показывать свою слабость, публично демонстрировать свой маленький потенциал. Ещё неизвестно, как на это отреагирует Федора. Она не видела его позора, но наверняка ей уже кто-нибудь его живописал.

Мысли, приходящие Фёдору в голову, были одна безрадостнее другой. Можно ли как-то выйти из этой ситуации? Возможно, но сухим — никак. Надеяться, что мокрое место, которое осталось теперь от его репутации, быстро высохнет, глупо. Сплетни, молва, пересуды, все они будут ходить по городу ещё долго, может, вообще останутся тут навсегда и будут преследовать Фёдора до конца его жизни. Уехать? Но без Федоры он неполноценен, не сможет нормально функционировать, а она вряд ли согласится на отъезд. У неё в городе много связей, многое связано с ним, она привязана к нему практически в буквальном смысле. Толстый кудлатый голубь, севший посреди большой лужи на дороге, купался в грязной жиже, распластав крылья, окунаясь в неё с головой, как будто издевался над Фёдором. Нет, невозможно всё так оставить, продолжать сидеть в луже и обтекать, слушая чужие насмешки. Нужно сделать какой-нибудь финт ушами, образно выражаясь, на который можно будет перевести общественное внимание. Геройский поступок? Было бы очень хорошо, но где же его взять?

Фёдор огляделся вокруг. Город ещё спал, изредка шевеля сонными прохожими, посапывая листвою деревьев на ветру, время от времени всхрапывая моторами проезжающих мимо фур. Где, как здесь проявить геройство? Кого тут ещё можно спасти? Голубя из лужи? Но ему это очевидно не нужно. Ему хорошо и так. Плохо здесь, кажется, только одному Фёдору. Но себе-то как раз он помочь ничем не мог, потому что спасти себя — это не героический поступок, такой не привлечёт ничьего внимания. Фёдор решил пройтись, растряссти немного свалившиеся в кучу мысли.

Дойдя до улицы Ленина, он заметил, что его преследует мысль, которую он ранее упустил из вида. А действительно, куда делась ответственность, которую он с себя снял? Её кто-нибудь взял? Она валяется там до сих пор? Даже если так, взваливать её на себя обратно уже не имеет смысла, этим уже ничего не исправить и никого не впечатлить. Можно найти какую-нибудь другую, ещё более тяжёлую, и взять её. Но общество неумолимо и неумно, оно, скорее всего,

не оценит. Ему, обществу, нужны только две вещи: хлеб и зрелище. Хлеба у Фёдора на всех не хватит, зрелище он уже устроил давеча недетское, прямо скажем. Что ему остаётся? Только крайние меры, ва-банк, хардкор, катарсис. Оголив перед людьми такие укромные места, изгладить это впечатление из их сознания он мог только одним способом — впечатлить их ещё более шокирующим зрелищем, ещё более откровенным, сокровенным эксгибиционизмом, обнажив перед ними свою душу, показав им не что-нибудь, а своё истинное лицо. После такого беспрецедентного представления прежнее покажется им невинной оплошностью. Беда, настоящая проблема только в том, что совершенно невозможно предсказать, какова будет реакция общества. Что вызовет у людей вид его голой души? Восторг? Умиление? Ужас? Гневные проклятья? Отвращение? Невозможно предсказать. В первую очередь потому, что он сам понятия не имеет, как выглядит то, что он собирается им показать. Узнать об этом он может только там, на площади, в процессе. Все домыслы и предположения, которые он сам себе сейчас может напридумывать — всё это на деле может оказаться совсем не так, до такой степени иначе, что и подумать страшно. Он лично никогда не видел ничьего истинного лица, ни своего, ни чужого. И голой души он тоже в жизни не видал. Но ситуация у него аховая, тут уж пан или пропал.

Он развернулся и решительным шагом направился к Главной площади, на которой стояла трибуна. По дороге мелькнула шальная мысль выпить для храбрости стаканчик или два виски или водки, но он её отнёс — очень велика вероятность того, что это может сказаться на облике его души не лучшим образом. К площади он подошёл полный решимости и воодушевления, хотя немного и растерял их по пути, который начинал, будучи ими переполнен. Но ладно, расплескал излишек, он надеялся, что оставшегося ему хватит, хватит духу, чтобы совершить задуманный акт. Уже светало. Пока на площади не было ни одной живой души. Но они обязательно скоро появятся. Они всегда сюда приходят, приходят в ожидании хлеба или зрелищ. И действительно, уже скоро появился силуэт, потом ещё один, двое, трое. Все они не спеша шли к центру площади, собираясь возле трибуны, и начинали покорно, терпеливо ожидать. Фёдор чувствовал, как с появлением каждого нового силуэта его покидает капля решимости и капля воодушевления. Но иного выхода он не знал, не смог придумать. К полудню на заливной солнцем площади собралась целая толпа. Пора, пришло время подняться на трибуну. Как на эшафот, уже почти лишённый решимости Фёдор поднимался по ступеням. Пять, четыре, три высокие деревянные ступени отделяли его от момента истины, после которого последует либо облегчение, избавление, либо окончательный, уже ни в какой луже не смываемый позор. Ещё вчера он был там, среди толпы, стоял, ожидая чьего-то провала или вознесения либо, в отсутствие зрелища, хотя бы манны небесной. И даже мысли не допускал о том, что уже завтра будет, повесив голову, взбираться по этим ступеням на встречу с самим собой. Взойдя на трибуну, он смело посмотрел в толпу, безликую, поскольку в ярком свете солнца лиц было разглядеть нельзя. Где-то там, среди них, было лицо Федоры. Оно могло бы его приободрить. Или наоборот. Он уже не знал, не понимал, он был в смятении, в растерянности, хотелось пить, ещё лучше — спать, и чтобы этого всего не происходило или оно происходило с кем-нибудь другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.